

КЭТИ СВИТ

**Ребенок из прошлого.
Шанс на семью**

«Литнет»

2023

Свит К.

Ребенок из прошлого. Шанс на семью / К. Свит — «Литнет»,
2023

-Если ты не подпишешь согласие на операцию, твоя дочь умрет! - Давлю на бывшую. - Да плевать. Надо было в роддоме оставить. Пожалела мелкую, идиотка. -Ты вообще слышишь себя? - Едва сдерживаю злость. - Там твоя дочь умирает! По твоей вине! -Она моя такая же, как и твоя. - Шипит зло. - Что. Ты. Сказала? - Теряю дар речи. -То, что слышал, - ухмыляется злобно. -Эта девочка... - Стараюсь подобрать слова. - Моя дочь? -Твоя, - цедит со злостью. отворачивается к окну. А затем срывается с места и убегает.ХЭ
С МАТЕРЬЮ НЕ БУДЕТ! Мы малышку спасем и найдем для нее самую лучшую маму на свете!

Содержание

Глава 1. Кирилл	5
Глава 2. Кирилл	7
Глава 3. Марина	9
Глава 4. Марина	12
Глава 5. Марина	14
Глава 6. Кирилл	16
Глава 7. Кирилл	19
Глава 8. Марина	22
Глава 9. Марина	25
Глава 10. Кирилл	29
Глава 11. Кирилл	32
Глава 12. Марина	35
Глава 13. Марина	38
Глава 14. Кирилл	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1. Кирилл

– Кир, ну наконец–то я до тебя дозвонился! – в динамике раздается голос моего старого друга, с кем мы вместе учились ещё в школе.

– Дим, если мир не собирается рухнуть, то перезвони через час, – прошу его.

Я безумно устал, ночка выдалась аховой. Но ничего удивительного, ведь я же в пару с Хмельницким попал!

– К нам маленькую девочку привезли с химическим ожогом пищевода, – продолжает Ланской. – Мать не в адеквате, отказывается подписывать согласие на операцию, без нее мы не вытащим малышку.

– Так вы можете по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни, – напоминаю о прописных истинах.

– Так и хотим, – соглашается друг. – Но сам понимаешь, какие могут быть после этого проблемы.

– Понимаю, – говорю, садясь на кровати. Голова раскалывается просто трындец.

Я уже забыл, когда нормально спал в последний раз! Дежурства, смены в клинике, обязанности заведующего... Не расхлебашь!

– Слушай, ну постарайся найти отца, – предлагаю ему. – Попробуй у него согласие выпить.

– Тут без вариантов, – Ланской слишком резко отвечает.

– Почему? – удивляюсь.

У меня такой случай в практике был. У годовалой девочки началось послеоперационное осложнение, мать впала в истерику и отказывалась что-либо подписывать, но мы с Хмельницким смогли достучаться до отца ребенка, он понял, что без операции малышка погибнет, и подписал все, что нужно. Мы с Саньком провели сложнейшую операцию, пошли на огромный риск, но все-таки вытащили девочку из цепких лап смерти.

Мать потом со слезами на глазах приходила, каялась из-за отказа и от всего сердца благодарила нас за спасение жизни ее дочери.

– Дим, ищи отца, – настойчиво говорю другу. – Он подпишет согласие, и ты лишишь себя кучи проблем.

– Кир, в свидетельстве о рождении в графе «отец» стоит прочерк, – мигом осаждаю меня.

– Хреново, – озвучиваю свои мысли.

– Еще как, – соглашается друг.

– А мать там совсем неадекват? – уточняю на всякий случай.

– Полный! – своим заверением Ланской раз и навсегда разбивает остатки надежды на легкое спасение.

– Что конкретно с ребенком? – спрашиваю зачем-то. Хотя я прекрасно знаю зачем.

В клинике, где сейчас работает Димка, нет специалистов, которые смогут провести подобную операцию.

Им нужен грамотный торакальный хирург. Коим я и являюсь.

– Мать утверждает, что ничего, – откровенно злится Ланской. – По гастроскопии там сильнейший ожог гортани и пищевода.

– А бронхоскопию делали? – спрашиваю, пытаюсь прикинуть масштаб проблемы.

– Да, – говорит недовольно. – Там незначительные локальные ожоги.

– Ребенок что-то понюхал и решил выпить? – спрашиваю у него. – Мать не уследила?

– Не мать, бабка, – поясняет друг. – Но ту сразу же по «скорой» увезли в кардиологию, с сердцем начались проблемы.

– Веселые у тебя, смотрю, пациенты, – ухмыляюсь.

– Сегодня что-то они все как на подбор, – говорит друг. – И это мы еще до Нового года не дожили.

– Ой, не говори! – соглашаюсь.

В своем отделении, видимо, самая «веселая» смена достанется именно мне. Ну не буду же я ставить на дежурство семейных на праздники, когда сам один.

Поэтому придется отдуваться за всех разом.

– Кир, приезжай, – Дима высказывает свою просьбу без каких-либо уловок и увиливания. – Без тебя мы не справимся. Сам понимаешь.

– Да куда ж там без меня, – отвечаю ему ухмыляясь. – Вот говорил же тебе! Переходи к нам! – Снова давлю на больную мозоль. – У нас в реанимации Хмельницкий и Карпов защищены!

– Пока не могу, – коротко бросает мне. – Они ж тут без меня угробят детвору! – выдает свои мысли.

– Все, Дим, я собираться пошел, – прерываю его муки совести. – Считаю, уже выезжаю.

– Спасибо! – благодарит с жаром.

– Должен будешь, – усмехаясь, говорю. – Я с тебя так просто не слезу!

– Знаю, – соглашается со мной. – Проси, что захочешь.

– Об этом позже, – отмахиваюсь. Время не терпит. – Иди, анализы делай, да ребенка к операции готовь.

Попрощавшись со старинным другом, силой воли спихиваю себя с кровати, переодеваюсь в уличную одежду и, быстро сделав кофе, сваливаю из квартиры. Перекусить и по дороге смогу.

Глава 2. Кирилл

Путь до частной клиники, где меня ждет Ланской, занимает гораздо меньше времени, чем я рассчитывал. Я готовился к пробкам, нервнякам на дороге и прочим «прелестям», но нет. Не проходит и двадцать минут, как я уже захожу в отделение.

– Как девочка? – интересуюсь с порога.

– Неважно, – честно отвечает мне друг.

– Понятно, – хмурюсь сильнее. – Согласие удалось получить? – снова задаю болезненный вопрос.

– Нет, – отрицательно крутит головой. – Мать не станет ничего подписывать.

Смотрю на Димку и понимаю, что придется самому попробовать переубедить мать, которая так и не дает согласие на операцию. Прежде, чем идти на риск, я должен убедиться, что других вариантов не осталось.

– Где она? – в лоб спрашиваю у него.

– Кто? – Ланской растерянно спрашивает.

Мой друг зашивается, и я это прекрасно вижу, но у нас нет времени вдаваться в подробности и проговаривать каждое действие.

– Мать девочки, – поясняю.

– Вот, сидит, – показывает в сторону холеной с виду женщины. – Ты что задумал? – интересуется, понимая, что я не стану задавать подобные вопросы просто так.

– Согласие пойду выбивать, – говорю прямо.

– Кир, там без вариантов, – печально сжимает губы Димон. – Она не в себе.

– Конкретнее, – уточняю.

– Под сильнодействующими веществами, – поясняет недовольно.

Оу... Как интересно...

– Пойду поговорю, – все же стою на своем. Нам нужно ребенка спасти, и пофиг, если мать не в адеквате.

Не сводя внимательного взгляда с сидящей ко мне спиной женщины, замечаю, что она не бедствует. Да там весь ее внешний вид буквально кричит об этом!

Брендовые шмотки, дорогая и качественная обувь, даже элементарная сумка стоит не меньше пяти моих зарплат.

– Добрый день, – здороваюсь с матерью пострадавшей девочки.

Она поворачивается ко мне, и на лице появляется самый настоящий ужас.

– Кирилл? – Ахает, не отрывая удивленного взгляда с меня.

– Он самый, – киваю. Присматриваюсь внимательнее к сидящей передо мной женщине, но благодаря усилиям косметолога и тонне косметики, не понимаю, какой она раньше была.

А голос – то кажется мне знакомым... Только раньше он звучал нежнее, без прокуренности, что проявилась сейчас.

– Вы кто? – хмурюсь. Мы точно знакомы.

Женщина дергается от моих слов, как от пощечины. Глаза тут же наливаются кровью.

– Игнатов, ты совсем охренел?! – Взрывается моментально.

И тут я узнаю ее...

– Лана? – Уточняю, не скрывая своего шока. – Это ты?!

– Я! – моя бывшая произносит с вызовом, встает на ноги. Но на высоких каблуках устоять не так просто, а в ее состоянии – так совсем не вариант.

Успеваю подхватить девушку до того, как она упадет.

– Аккуратнее, – прошу ее. – Нам еще не хватало тебя в травму везти.

– Отвали! – шипит, вырываясь из моих рук. Садится обратно на кресло для посетителей, отряхивается, словно я ее испачкал.

– Зачем приперся? – спрашивает зло.

– Ты не подписываешь согласие на операцию дочери, – в открытую обозначаю цель своего визита.

– И что? – ухмыляется. – Имею право! – цедит сквозь зубы. – Пусть сдохнет! Достала меня!

Слышу слова бывшей и едва сдерживаюсь, чтобы не поднять ее за плечи и не встряхнуть хорошенечко несколько раз.

– Если ты не подпишешь, твоя дочь умрет! – давлю на бывшую.

– Да плевать. Надо было в роддоме оставить. Пожалела, идиотка.

– Ты вообще слышишь себя? – едва сдерживаю злость. – Там твоя дочь умирает! По твоей вине!

– Она моя такая же, как и твоя, – шипит зло.

– Что. Ты. Сказала? – теряю дар речи.

– То, что слышал, – ухмыляется.

– Эта девочка... – стараюсь подобрать слова. – Моя дочь?

– Твоя, – цедит со злостью и отворачивается к окну. – Да чтоб вы все сдохли! – шипит зло. – Жить нормально не даете! Вечно поганите мне все!

Глава 3. Марина

Выполняя указание медсестры, спешу, что есть мочи по коридору в детское торакальное отделение. У меня в руках каталка, на которой находится годовалая малышка, и мне безумно горько, когда я смотрю на нее.

Ей больно. Ей плохо. А я никак не могу помочь!

Сердце обливается кровью...

Если бы не ее непутевая мать, то Евочке уже давно могли оказать грамотную профессиональную помощь, но та отказывается, блин, от всего! В особенности, от операции, которая просто жизненно необходима ребенку.

Матери Евы по голове хочется надавать. Вот честное слово!

Я даже подумать не могла, что бывают такие ужасные матери, как она. Как хорошо, что в нужный момент рядом с малышкой, помимо нее, оказалась бабушка, которая не стала спускать произошедшее на самотек, вызвала «Скорую», и девочку доставили в больницу.

Жаль, что мать врачам сделать ничего не дает.

Единственное, что нам остается – это верить в лучшее и надеяться, что все разрешится. Мы ждем врача, который сможет спасти Еву, и надеемся только на чудо...

– Ты совсем из ума выжила?! – до моего слуха доносится мужской голос, который я просто не могу не узнать.

Резко поворачиваю голову на звук, вижу Кирилла и застываю на месте. Ноги тут же врастают в пол.

– Подписывай! – Игнатов сует под нос сидящей в кресле женщине документы. – Если не подпишешь, твоя дочь умрет! – говорит грозно, у меня мурашки бегут по рукам.

В полном шоке смотрю на заведующего детского хирургического отделения больницы, в которой работает мой старший брат, и не могу поверить глазам.

Его не должно быть здесь! Ни при каких обстоятельствах!

– Наша, Кир, – зло ухмыляется сидящая перед ним женщина.

Наша?.. У Игнатова есть ребенок?..

Как так?!

Мир рушится на тысячи мелких осколков. Я пытаюсь собрать разбитое сердце, но у меня ничего не выходит. Боль сковывает грудную клетку, становится трудно дышать.

И вдруг я понимаю, про кого именно говорят...

Пол из-под ног уплывает.

– Девушка, с вами все в порядке? – спрашивает стоящая рядом медсестра.

Перевожу на нее расфокусированный взгляд и едва заметно киваю. Во рту пересохло, сказать ничего не могу.

– Лифт сейчас приедет, – продолжает медсестра. – Вам дальше нельзя будет.

– П-почему? – с трудом выдавливаю из себя.

– Только родственники, – отрезает.

Блин... Как же Евочка там будет одна?

– Ты скрыла от меня дочь и теперь не даешь мне ее спасти! – до меня доносится полный злости мужской голос. – Думаешь, я буду просто стоять и смотреть, как она умирает?!

Широко раскрыв глаза, смотрю на хирурга, которого здесь в принципе быть не должно, это частная клиника. Кирилл оперирует совсем в другом месте.

Врач малышки заверил, что вызовет лучшего хирурга, но я и подумать не могла, что это будет Он.

Очень хочется помочь... Очень! Но я понятия не имею как.

Игнатов нависает над мамой пострадавшей девочки, от него исходит такая сильная ярость, что страшно показываться на глаза.

Хочется спрятаться.

Малышка на каталке начинает плакать. А ей, блин, нельзя!

В операционную нужно отвозить. Спасать срочно! Реанимация переполнена, я вообще в шоке, как девочка жива до сих пор.

Ей нужно немедленно проводить операцию, а мамаша все не желает участвовать в спасении жизни дочери.

Блин, вот бывают же твари!

Кому-то выше детей не дают, а у кого-то есть столь щедрый подарок, а они его готовы в могилу свести.

Лишь бы никогда не всплыла горькая правда...

– Ш-ш-ш, – нежно улыбаюсь малышке, пытаюсь хоть как-то её подбодрить. – Все хорошо, – произношу сквозь слезы.

Я все пытаюсь успокоить страдающую кроху, но разве это возможно? Препараты, что ей дали, лишь слегка притупили адскую боль.

Меня аж трясет от гнева и злости от осознания, что я ничем не могу ей помочь.

– Ты сейчас немного поспишь, а когда проснешься, то у тебя ничего не будет болеть, – обещаю, стараясь не плакать, хоть это невероятно тяжело.

Кирилл спасет ее. Я ему верю!

Если кто способен на чудо в торакальной хирургии, так это он!

В противном же случае, как дальше жить, просто не знаю... Бедная, бедная Евочка... Ах, малышка, как же мне жаль...

– Ты ничего не сможешь сделать! – шипит мать пострадавшей крохи в ответ на слова Игнатова. – Я согласия на операцию не давала и не дам! – цедит зло.

– Свет, ты же ей всю жизнь поломала, – говорит Игнатов не своим голосом.

Мне не нужно находиться рядом и видеть его лицо, чтобы понимать, оно переполнено болью.

Лифт приезжает. Медсестра, не дожидаясь меня, заводит малышку в металлическую кабину и уезжает прочь.

Я стою на одном месте и боюсь даже пошевелиться. Так хочется, чтобы все это оказалось чудовищным сном.

– Теперь, когда ты здесь, я четко понимаю, для чего это все, – женщина описывает рукой круг в воздухе.

– И для чего? – уточняет Кирилл.

– Чтобы тебя уничтожить! – отрезает жестко.

Каждое слово, как тысячи осколков в сердце.

– Мне плевать на девчонку! Возмездие – наше все! – шипит и принимается злорадно смеяться.

– Ты не в себе, – Игнатов от шока отшатывается в сторону.

А Света тем временем принимается истерично хохотать.

– Теперь посмотрим, какой ты выбор сделаешь! – кричит, размахивая руками. – Согласие на операцию тебе никто не даст! Никто! – ее срывает.

– Ты так уверена в этом? – Кирилл не опускает руки.

– Никто! А-ха-ха! Только я могу спасти твою дочь! – продолжает гоготать, а у меня аж мурашки по коже бегут.

– В графе «отец» стоит прочерк, – произносит убийственным тоном. У меня по сердцу словно ржавым ножом проходят, так больно становится из-за него. – Знаю, – замолкает. Делает шумный вдох, собираясь с мыслями.

Игнатов - шикарный врач! Он ежедневно спасает детские жизни, проводит в операционной много часов. Я столько читала о нем, столько слышала! Никто и подумать не мог, что у него есть маленькая дочь...

Как же жестока Светлана! Она своим отказом уничтожает сразу две жизни.

Как земля только носит таких?!

Кирилл крепко сжимает челюсть, аж желваки ходуном ходят. Я даже при всем желании не смогу прочувствовать, насколько ему сейчас тяжело.

Он качает головой, ни на секунду не отрывает пристального взгляда с некогда своей женщины, но не отступает под гнетом обстоятельств. Я вижу, как тяжело даётся мужчине принятие решения. Но я прекрасно понимаю, что иначе он не поступит.

Это же Игнатов!

– Все равно я прооперирую ее! – заявляет твердо и прямо.

– И сядешь! – тварь продолжает ржать.

У меня чешутся кулаки, и я впервые с трудом себя сдерживаю, чтоб не сорваться.

Как она смогла так поступить вообще? Неужели подстроила?

Покалечила свою дочь, чтобы отомстить бывшему? Разве такое возможно?!

– Выбирай! – шипит, тыча Кириллу в грудь пальцем с длинным острым маникюром. – Лишиться дочери или лицензии, – цедит едко. – Хирургия – это же твоя жизнь. Да?

– Да пошла ты! – рычит.

– Ты ее не спасешь! – заключает злорадно.

– А вот это мы еще посмотрим! – отрезает Кирилл.

Глава 4. Марина

Игнатов отходит от Светы и направляется к посту медсестер. Каждый его шаг пропитан гневом и злостью, лицо хмурое, но, даже несмотря на чудовищные обстоятельства, он каким-то образом до сих пор держит себя в руках.

– Кирилл Александрович, – елейным голосом обращается к нему девушка в белом халате. – Я могу вам чем-то помочь? – мило ему улыбается.

Смотрю на нее и не понимаю, как можно оставаться равнодушной и улыбаться, когда ты видишь, что на человеке лица нет?

– Свободная «Скорая» есть? – спрашивает у нее напрямую.

– «Скорая»? – глаза девушки лезут наверх.

– Да, – крепко стиснув челюсть, кивает и мучительно тяжелым взглядом смотрит на нее.

– Сейчас посмотрю, – говорит медленно и спокойно. Она словно не понимает, что счет на минуты идет! – Ой, знаете, нет, – театрально хмурит брови. – Свободных машин нет.

У меня внутри все обмирает...

Раз нет машин, то транспортировка Евочки в отделение к Кириллу и Саше невозможна. А, оставаясь здесь, у девочки шансов практически нет.

Мужчина не выдерживает. От громкого удара кулаком по стойке ресепшена я аж подпрыгиваю.

Света продолжает ржать, она не в себе.

– Нарколога вызови! – Игнатов психует. – Пусть освидетельствование сделает! – рычит на медсестру. – Охрана! – Говорит громко, с поста тут же подрывается парень.

– Что надо? – вальяжной походкой подходит к нему.

Я не слышу, о чем говорят мужчины, но Света вдруг резко меняется в лице. Она пытается убежать, только вот ей не позволяют этого сделать.

Прибежавшие санитары и какой-то врач живо успокаивают женщину и отводят ее ближайший свободный кабинет.

Я жмусь к стене. Мне становится плохо.

Неужели нет никаких шансов Еву спасти?

Слезы наворачиваются на глазах, ком встает в горле, у меня угасает последняя надежда, ведь я прекрасно понимаю последствия, которые настигнут Кирилла, если он все-таки оперирует ее.

Света не спустит произошедшее с рук. Она со своим новоиспеченным супругом устроит Игнатову массу проблем, наймет лучших адвокатов и попытается лишить его всего. Работы, должности, возможности оперировать...

Для человека, горящего своим делом, это станет самым настоящим ударом.

Про то, что будет с Евочкой, мне даже думать страшно.

Сердце разрывается на части от боли, мне безумно хочется им помочь, но я даже не знаю как. Очень горько в душе.

Кирилл резко разворачивается и быстрым шагом идет прямо на меня. Еще немного и мы столкнемся.

Блин!

Если он узнает, что я здесь, то расскажет Саше, а этого делать совсем-совсем нельзя! Мой старший брат ни в коем случае не должен знать, что я порой сбегая с учебы и тайком от него подрабатываю. Если вскрыется правда, будет трындец... Причем, не только мне, ведь я не виновата, что меня банально вышвырнули из дома.

Ни Сашка, ни Василиса не оставят эту ситуацию, они полезут к моим родителям разбираться, а хуже этого нет. Я вообще не хочу никаким боком касаться той семьи.

К сожалению, брату и его жене не объяснить, что после всего произошедшего родительская поддержка будет для меня как кость в горле. Это не обида, не гордость. Мачеха мне сделала столько гадостей, так унижала и оскорбляла, что я больше не вынесу в том доме ни дня.

А раз уж уехала, то они ни копейки не дадут на мое содержание.

Не надо к ним лезть... Не нужно ворошить это гнездо... Мне от одной этой мысли противно и гадко.

Я вообще не хочу, чтобы мачеха знала обо мне хоть что-то.

Мне проще самой разобраться со своими проблемами. В конце концов, я не глупа! У меня есть руки и ноги, голова на плечах и немного свободного от учебы времени.

Я хочу сделать хоть что-то сама. Чтобы меня потом не попрекали до конца дней и своей мизерной помощью не тыкали, как это будет. Потому что я уже не раз проходила через оскорбления и унижения, которые в силу возраста вынуждена была терпеть.

Теперь все. Я выросла. Хватит!

До сих пор помню купленный мачехой пуховик... Какой же был скандал, что я выросла из него за год и не влезаю в свой старый.

Аж передергивает. Б-р-р...

Ну их всех нафиг!

В спешке озираюсь по сторонам, пытаюсь найти хоть какое-то укрытие и спрятаться от Кирилла. Как бы я хотела с ним поговорить, но сейчас нам встречаться нельзя. Он сразу поймет, что я не просто так приехала, и обязательно выяснит правду.

Игнатову просто невозможно солгать.

Он ведь расскажет моему брату о встрече, а Саша не оставит в покое, пока все не выяснит. Старший брат у меня ого-го!

Ой... Мне даже подумать страшно, что будет...

Если Хмельницкий узнает о моей встрече с Кириллом, то очередной стычки нам избежать не удастся. А я не хочу ругаться с братом! Он - единственный, кто всегда на моей стороне.

Да и Сашка сделал для меня гораздо больше, чем родители за последнее время. Я очень ценю его помощь и не хочу навязываться со своими проблемами, ведь у него теперь своя семья.

Если он узнает, что мачеха отказалась меня содержать, пока я учусь, а папа вечно занят и не берет трубку, когда я ему звоню, то будет вне себя от злости. Мне даже страшно представить, что делает мой брат, когда вскрыется горькая правда.

Но сейчас не хочу его волновать, ведь я девочка уже взрослая. Справлюсь!

Наверное...

Кирилл неумолимо приближается, и этого не изменить. Одного взгляда на мужчину достаточно, чтобы мое сердце начало биться чаще.

Волнуюсь дико, кровь шумит в ушах, перед глазами всё разбегается.

Он не должен меня здесь увидеть! О, нет! Что же делать? Куда мне спрятаться?

Кидаюсь в сторону подсобного помещения, но оно оказывается запертым. Раз за разом нажимаю на дверную ручку, но она не поддается, замок так и остаётся закрытым.

Шаги становятся ближе...

Я забываю, как нужно дышать.

– Марина? – раздается за спиной мужской голос.

– Эм, – произношу неуверенно. – Здравствуй.

Все. Мне конец! Я не смогла убежать.

– Что ты здесь делаешь?

Глава 5. Марина

– Я? – растерянно спрашиваю, на ходу пытаюсь сообразить, что сказать, но ничего в голову не приходит, паника накрывает с головой.

Когда Игнатов так близко, я всегда теряюсь.

– Ты, – совершенно серьезно произносит Кирилл.

Как хорошо, что он не понимает того влияния, которое оказывает на меня! Иначе проще будет исчезнуть.

Мужчина задумчиво хмурится, смотрит на меня своим полным боли и отчаяния взглядом, что я окончательно теряюсь. Даже представить не могу, как ему сейчас тяжело.

Всем сердцем хочу помочь! Ему, Еве... Но как это сделать? Я ведь, по сути, для каждого из них никто.

Для Игнатова я всего лишь младшая сестра его коллеги и друга, для Евочки - новая няня. Никто из них даже не догадывается, как много они значат для меня.

Я полюбила малышку с первого взгляда! Она такая... Ну просто космос вообще!

Кирилл же... Это совсем отдельная история...

Мужчина отходит от меня на пару шагов, нажимает на кнопку вызова лифта и возвращается обратно. Все это время он внимательно следит за мной.

– Я жду ответа, – давит своим взглядом и тоном. Ведет себя так, словно я виновата в чем-то серьезном.

Хоть я ничего такого не делала! Кроме пропуска сегодняшних пар.

– У меня здесь кое-какие дела, – увиливаю от прямого ответа. Игнатов щурится, недобрая ухмылка касается уголков его губ.

Дышу через раз.

Пристальное внимание Кирилла сбивает. Я боюсь, что он узнает правду и тогда уж точно меня с потрохами Саше и Василисе сдаст.

– Я не могла не приехать, – заявляю, чуть вздернув подбородок.

Меня потряхивает от волнения, но я держусь. Успокаиваю себя тем, что озвучила лишь часть правды. Самое главное, я не солгала.

Ненавижу врать и изворачиваться, хуже ничего нет! Это ж потом еще нужно помнить кому и что наговорила.

Ну нет!

То, что Кирилл расскажет моему брату о встрече, я не сомневаюсь. Игнатов сделает это без задней мысли, ведь они с ним друзья.

– Надеюсь, дела связаны с учебой, – говорит таким тоном, словно за прогул меня решил отчитать.

Понимаю, так просто он не отступит и обязательно докопается до причин моего появления.

Блин... Ну что же такого ему сказать?

– Я надеюсь, ты прекрасно помнишь, как трудно тебе далось поступление в университет, – отрезает сурово. – В нынешнее время поступить в высшее учебное заведение на бюджет очень тяжело. Выпавший шанс нужно ценить, – давит на больную мозоль своими словами.

Понимаю, моя ситуация со стороны выглядит не самым лучшим образом, ведь сейчас идут пары, а я вместо них нахожусь в приемном отделении частной больницы. И Кирилл прекрасно знает, что я приехала сюда не для себя.

У меня банально нет денег на такое дорогостоящее лечение! Все, что есть, я откладываю и мечтаю накопить хоть на какое-то жилье.

После выпуска мне будет некуда вернуться, я это знаю. Мачеха ни за что не примет обратно, а отец... Его дома–то не бывает. Он не в курсе реальной ситуации, увы.

Как бы плохо мне не было из–за пропуска после, не приехать сюда я не могла. Вся проблема в том, что Евочку не с кем оставить. Татьяна Ивановна попала в больницу, а Светлане дочь нафиг не нужна.

– Знаю, – отвечаю, упрямо поджав губы. – С учебой сама разберусь, не переживай.

Я прекрасно знаю, что в универ поступила не просто так. Без помощи Игнатова здесь не обошлось, и я очень благодарна ему за это! Только вот все скрывают от меня эту информацию, и я тоже держу язык за зубами. Делаю вид, что не знаю.

Зачем признаваться в том, что я в курсе? Они так старались эту информацию скрыть.

– Ты будешь оперировать Еву? – спрашиваю, не удержавшись, и тут же жалею об этом. После моего вопроса Кирилл моментально меняется в лице.

Атмосфера вокруг нас замораживается моментально. Игнатов резко становится отстраненным и чужим.

– Марин, возвращайся на пары, – отрезает сурово. – Пока я твоему брату о твоих прогулах ничего не рассказал.

За его спиной раскрываются двери лифта, и из него выходит бабуля.

– Кирилл Александрович, едете? – С тёплой улыбкой спрашивает у него.

– Да, – кивает ей. Снова поворачивается ко мне. – Марина, с учёбой не шутят. Езжай на пары, – давит на меня.

Кидает быстрый взгляд на часы, задумывается на пару секунд.

– Чтобы через двадцать минут прислала мне селфи из университетской аудитории, – говорит строго. И я понимаю, что не могу ему отказать.

Его жесткий тон показывает всю категоричность мужчины к пропускам лекций. Не удивлюсь, если он еще долго будет припоминать мне эту встречу.

– Я не могу, Кир... – шепчу с мольбой в голосе. – Пойми меня...

Как же ему объяснить?... Ведь иначе он все не верно поймет, а я так не хочу, чтобы он думал обо мне плохо.

Кирилл многое значит для меня, его мнение очень важно. В конце концов, без его поддержки, где бы я была? Работала официанткой на фудкорте?

Блин! Что же делать–то? А?

Мысли разбегаются в разные стороны, сердце бьётся так быстро, что вот–вот выскочит из груди, ком застревает в горле.

– Пожалуйста, просто поверь мне, – прошу его. – Не могу.

– Фразы «Не могу» нет, – отрезает сурово. – Ты всё можешь! Если захочешь, – добавляет уже значительно тише в конце.

От последней фразы становится не по себе... Кровь стынет в жилах от осознания истинного смысла этих слов.

У меня пробегают мурашки по коже...

Я понимаю, она предназначена не мне. Ему!

Он решил на операцию.

– Кир, – говорю, но не успеваю продолжить. Створки лифта закрываются, и мужчина уезжает от меня.

Я остаюсь одна в фойе.

Глава 6. Кирилл

– Операционная готова? – Спрашиваю, выходя из лифта.

– Да, – кивает медсестра.

Вижу, что она хочет что-то сказать, но у меня нет времени на разговоры. Поэтому не даю ей ни единого шанса.

– Какая? – требую номер. У нас нет ни единой лишней секунды!

– Третья, – показывает рукой направление, и я тут же срываюсь с места.

Прохожу до конца коридора, заворачиваю за угол, захожу в предоперационное помещение и вдруг понимаю, что в самой операционной пострадавшей малышки нет.

– Где девочка? – ловлю выходящую из помещения медсестру.

– Ждем. Пока не привозили, – признается.

Та-а-ак. И что это за фигня?

Да я сейчас разнесу к чертям всю эту гребанную клинику!

– Тогда, где она? – спрашиваю у нее, с трудом сдерживая нарастающее раздражение.

У меня операция скоро, я должен быть максимально спокоен и сосредоточен. А вместо этого мне предлагают бегать по больнице и разыскивать пациентку? Они серьезно вообще?

– Я... – Тут же тушует. – Я не знаю.

– Зашибись! – кидаю в сердцах.

Достаю телефон и набираю Ланского. Слушая длинные гудки, выхожу в коридор.

Стоит мне сделать пару шагов, как вижу друга. Сбрасываю вызов и со всех ног мчусь к нему.

– Дим, где девочка? – Без предисловий задаю ему самый важный вопрос.

– Здесь она, – хмуро показывает на дверь в палату.

– Как показатели? Анализы в норме? – спрашиваю, заходя в небольшое помещение. На малышку пока стараюсь не смотреть.

В моей голове не укладывается, что эта девочка – мой ребенок. Сейчас я даже мысли такой стараюсь не допустить!

От моего состояния конкретно сейчас зависит вся дальнейшая жизнь маленькой девочки, и я не имею никакого права ей рисковать.

Беру со стола историю болезни, открываю, пробегаюсь по анализам и проведенным обследованиям.

– Чем же она так? – недоумеваю. Состояние слизистой – просто жуть.

– У меня есть пара вариантов, но я пока их оставлю при себе, – произносит серьезно.

– Ну с вариантами ты не одинок, – говорю, хмурясь. – Банально бытовая химия.

– Я тоже склоняюсь именно к ней, – кивает, соглашаясь со мной.

К сожалению, родители очень часто слишком легкомысленно относятся к хранящимся в квартире моющим средствам и прочей химии, которой они пользуются для уборки или ухода за собой. И эта халатность порой приводит к самым ужасным последствиям для детей.

Не даром на каждой упаковке пишут о необходимости убрать средство подальше от ребенка. Хранить в недоступном месте и никогда, ни при каких обстоятельствах открытое средство рядом с ребенком не оставлять.

Света, видимо, как всегда, забила на правила. И теперь за ее наплевательское отношение к безопасности расплачивается наша дочь.

– Забирайте в операционную, – даю указание медсестрам. На девочку принципиально не смотрю.

Не могу.

Боюсь, что сорвусь.

– Погнали! – кидаю другу.
– Она подписала документы? – поддавливает меня Димка перед самым выходом.
– Нет, – честно признаюсь. Смысла скрывать от него правду нет.
– В смысле, не подписала? – резко останавливается и, охреневая, смотрит на меня. – Ты же сказал, что все сделаешь.
– Сказал, – хмуро киваю.
– И? – заводится друг.
– Не сделал, – произношу сурово.
Ланской психует. Он понимает возможные последствия не хуже меня.
– Кир, ты не можешь оперировать ребенка без согласия, – пытается до меня достучаться. Друг не разделяет со мной решение и не скрывает этого. Я же едва сдерживаюсь, чтобы не высказать все, что думаю по возникшей ситуации.
Меня не хило бомбит от одной мысли о возможном отцовстве, и я никак не могу взять под контроль эти чувства.
Если Светка солгала, то я уничтожу ее! А если нет...
То она тогда больше нашу дочь никогда не увидит.
– Могу, – огрызаюсь.
Сейчас у девочки есть единственный шанс выжить. Это я!
Больше ее никто не в состоянии вытащить.
– Нет, Кир, – отрезает Ланской. Он встает на выходе из кабинета и не пропускает меня дальше.
– Дим, уйди, – рычу.
– Нет! – заявляет упрямо. Взгляд друга пылает праведным гневом.
– Я все равно ее прооперирую! – напираю. – Дим, я не хочу причинять тебе вред, – предупреждаю.
Каждый из нас двоих знает, что я сильнее его.
– Не ломай себе жизнь и карьеру, – стоит на своем Димка. – Мать этой девочки засудит любого, кто хоть пальцем тронет ее дочь.
– Да пофиг! – отмахиваюсь от угрозы, как от назойливой мухи. – Задолбается со мной воевать!
– Нет, Кир, – не поддается на мои уговоры друг. – Я не позволю тебе совершить роковую ошибку.
– Ты собираешься меня остановить? – спрашиваю с вызовом.
– Кир! Да, блин! – снова психует. – Услышь меня! Нельзя оперировать без согласия! – говорит на повышенных тонах.
Вижу, что Ланскому самому хреново от сложившейся ситуации, но он, в отличие от меня, не поддается эмоциям. Димка думает наперед.
– Мне плевать, – огрызаюсь. – Она моя дочь.
Ланской смотрит на меня во все глаза.
– Что? – охреневает.
– То, что слышал! – грозно рычу на него. – Мать этой девочки – моя бывшая! А малышка – моя дочь.
Последняя фраза повергает друга в самый настоящий шок.
– Кир, ты потеряешь все, – говорит, немного придя в себя. – Разве этого не понимаешь? – смотрит с такой тоской в глазах, словно отправляет меня не в операционную, а на смертную казнь. – Лицензию, свободу, имя... Загубишь себя, как врача.
– Зато я спасу ее! – произношу с жаром.
– Такой высокой ценой? – охреневает.
– Да, – уверенно киваю. – Я все решил.

– Ты даже не знаешь, твоя ли это девочка, – качает головой. – Может ее мать солгала? Не думал об этом, м? – делает последнюю попытку достучаться до здравого смысла.

Но его усилия тщетны. Я все решил.

– Девочку надо спасать в любом случае. Ты со мной или против меня?

Глава 7. Кирилл

Выхожу из операционной и иду напрямик к кофейному аппарату, что стоит на этаж ниже. Если я немедленно не выпью бодрящего крепкого кофе, то упаду от бессилия прямо здесь.

Бесконечные ночные дежурства, должность заведующим, операции у себя в центре и внештатное сотрудничество с частной клиникой окончательно меня доконают. Но и отказать никому не могу.

Мне нужно нарабатывать практику, зарабатывать имя. Защищать диссертацию и расти дальше, как хирургу.

Понятия не имею, как успевать все задуманное и оставаться в ресурсе, но нужно. Это даже не обсуждается. Правда, хрен знает сколько я выдержу еще в таком темпе.

– О! – Останавливаюсь у аппарата. – И ты здесь, – удивленно смотрю на задумчивого Димку Ланского. На друге нет лица.

Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понимать – возникла еще одна проблема. Иначе б Димка не стоял здесь в одиночестве и не пил дрянной кофе, а сидел бы у себя в ординаторской и ждал меня.

– Угу, – кивает, делая глоток из пластикового стаканчика.

Присматриваюсь чуть пристальнее и понимаю, другу хорошо прилетело. Рубашка помята, рукав халата чуть порван, на скуле красное пятно. Скоро будет синяк.

– Малышку забрали? – уточняет, игнорируя мой вопросительный взгляд касавшегося своего внешнего вида.

– Да, – киваю. – Дим, что случилось–то? – спрашиваю, не сдерживаясь. Делать вид, будто ничего не случилось, не собираюсь. Другу явно досталось, и я должен знать из-за чего.

Когда его вызвали, то ничего особо не пояснили. Сказали, чтобы срочно спустился и что вопрос по пациенту. Больше ничего не пояснили. Димке пришлось уйти.

Я его спокойно отпустил, ведь мы тогда уже были на завершающей стадии операции, и я вполне смог справиться один, без него. Девочки–медсестры помогли, операцию успешно завершили и отправили малышку в реанимацию для последующего восстановления.

– Не бери в голову, – отмахивается от вопроса. – Как Ева? Все хорошо?

– Нормально, – отвечаю ему. Беспокойство за друга не отпускает. – Тебя не из-за Светы выдернули с операции? – спрашиваю. – Прилетело не из-за нее? – хмуро смотрю на след от кулака на его лице.

– Из-за нее, – ухмыляется, горько потирая скулу. – Сволочи, – ухмыляется. – Не дали твое шедевральное исполнение операции досмотреть.

– Да брось, – отмахиваюсь от похвалы. – Я просто люблю свое дело. Не более того.

Мне не нужны лесть коллег и хвалебные отзывы о проделанной работе, ведь при желании каждый из них может добиться того же самого.

Практика, постоянное повышение квалификации, мастер-классы у ведущих коллег и развитие, развитие, развитие... Без этого всего я бы никогда не добился тех результатов, которые имею сейчас.

Меня гораздо сильнее волнует, что именно случилось у друга, и почему он так сильно помят.

– Знаешь, Кир, – Ланской не сводит с меня взгляд своих пронизательных глаз. – Есть просто врачи, а есть – гении, – произносит так уверенно и спокойно, что не приходится сомневаться в его словах. – Вот ты – гений, – заявляет, показывая на меня.

Как же ловко Дима перевел тему.

– Не носи ерунды, я не гений, – не собираюсь выслушивать лишнюю похвалу. – У каждого врача свое кладбище и свой список спасенных. Для кого-то я лучший, а для кого-то – самый ужасный хирург на планете.

Димка ухмыляется, но не спорит. Понимает, что это бесполезно, и меня не переубедить.

– Ладно, фиг с тобой, – отмахивается от моих слов. – Скажи лучше, с девочкой все в порядке, и повторная операция не нужна?

– Этого я не могу обещать, как бы мне не хотелось, – недовольно сжимаю губы. – Теперь все зависит от того, как пищевод будет заживать, не возникнет ли стеноз, и не пойдет ли дальше воспаление.

– Ну да, – задумчиво хмурится друг. – Ну да...

– Что там со Светой? Из-за чего тебя выдернули? – задаю животрепещущий вопрос. – Кто тебя так разукрасил? – снова смотрю на его лицо.

Мысленно готовлюсь к самому худшему.

– Муж ее объявился, – говорит недовольно, поправляет оторванный рукав и рубашку. – Пытался доступным ему языком объяснить, что мы зря его жену на освидетельствование отправили, – ухмыляется горько. – Обещал всех нас засудить и посадить.

Встречаемся с другом понимающими взглядами. Приличных слов касаясь этой ситуации ни у кого нет.

– Тот случай, когда деньги есть, а мозгов не додали, – продолжает после небольшой паузы.

– Орал на все приемное, угрожал. Пришлось вызывать наряд, чтобы его отсюда нахрен убрали пока он никого не покалечил.

– Тоже не в адекват? – спрашиваю, шурясь.

Блин, Светка! Ты ж раньше нормальная, вроде, была. Что с тобой стало? Не понимаю...

– Слушай, анализы у него, конечно, не брали, – делает паузу. – Но по внешнему виду, вроде, не скажешь, – задумывается на мгновение. – Нет, друг. Нормально с ним все, – снова делает глоток кофе. – Только головушка похоже бо-бо.

– М-да, – все, что могу сказать.

Подхожу к автомату, вставляю купюру, выбираю напиток и жду.

Кофе для меня готовится в полной тишине.

– Кирилл Александрович, девочку перевели в реанимацию, – говорит операционная медсестра, проходя мимо. – Вас просили зайти, как освободитесь.

– Хорошо, – говорю на автомате. – Скоро зайду.

Девушка уходит, а я смотрю на задумчивого Димку. Его вид меня настораживает.

– Кир, езжай домой и пока здесь не отсвечивай, ладно? – просит. Я хмурюсь.

– Нет, друг, так не пойдет, – стою на своем.

– Это не обсуждается, – говорит жестко. – Тебе на некоторое время нужно скрыться и не появляться, пока не получил еще больше проблем.

– Дим, я буду регулярно приезжать, проверять малышку, – отвечаю, не в силах выполнить его просьбу. – Сам понимаешь, если Света сказала правду, и Ева – моя дочь, то я...

– Не отсвечивай! – говорит с напором. – А твоя дочь или нет – мы это обязательно выясним, – перебивает. – Ты анализ в лабораторию сдал?

– Да, – киваю. – Девочки увезли со всеми остальными. Я пометил, что этот анализ оплачивается отдельно. Его не нужно в общую стоимость включать.

– Вот и отлично, – расслабляется немного и говорит уже более спокойно. – Как будет результат, сообщу, – обещает.

– Дим, я не уйду, – упрямо ему говорю.

Если Ева – моя дочка, то я не прощу себя, что оставил ее одну в тяжелом состоянии.

Я и так пропустил самые важные моменты в жизни малышки! И не собираюсь это усугублять.

– Кир, муж твоей Светы – агрессивный неадекват, – друг по–прежнему пытается до меня достучаться. – Ты просто не понимаешь, – снова потирает скулу. – Ему пофиг, на ком срываться, он тебе жизни не даст.

– Слушай, я не первый день оперирую, – отмахиваюсь от его слов. – Пуганный уже! Всякого успел повидать и неадекватов тоже. Справлюсь!

– У тебя что, проблем нет? – хмурится. – Хочешь добавить?

Тяжко вздыхаю. Блин, а ведь Ланской прав.

– Нет, не хочу, – недовольно с ним соглашаюсь.

– Вот и славно, – смягчается. – За девочкой присмотрю, не переживай. Буду держать тебя в курсе событий, – приобнимая за плечи, ведет к выходу. – Но сейчас самое лучшее, что ты можешь сделать для нее, для себя и для всех нас – свалить.

– Зашибись, – горько усмехаюсь. – Дим, я не трус и не намерен бегать даже от неадекватов.

– Кир, у тебя, возможно, дочь появилась, – продолжает, особо выделяя последнюю фразу. – И как только она придет в себя, ей будет нужна помощь. Как думаешь, кто за малышкой будет следить? М?

Твою ж мать! Как я об этом не подумал?

– Понятия не имею, – обреченно вздыхаю.

– Подумай об этом, друг, – говорит, заводя меня в служебный лифт.

Глава 8. Марина

Пары в универе закончились, Кирилл на мои звонки не отвечает и единственное, что мне остаётся – это пойти к себе в общежитие.

Есть хочется просто ужасно, у меня в холодильнике, вроде как, оставались вареные макароны и один огурец. Хватит, чтобы пообедать.

– О, привет, – удивлённо смотрю на соседку. – Я думала, ты на парах, – с сомнением смотрю на нее.

Глаза Ульяны выглядят слишком болезненными, да и вообще такое ощущение, что девушка немного не в себе.

– Марин, уходи, – говорит, не давая сделать шаг в комнату. – Врачи сказали, что у меня вирус какой-то сильный. Я тебя могу заразить.

– Ой, – застываю на пороге и не знаю, как быть дальше. – Тебе, может чего из аптеки принести?

– Все есть, – жестом показывает на тумбочку. – Реально, Марин, уходи.

Ульянка настроена категорично, и мне становится страшно. А что, если я заражусь и Евочке в больницу принесу эту заразу?

Ну уж нет!

– Если что, то ты обязательно позвони, – прошу.

– Угу, – кивает. – Иди, – и заходится в кашле.

Схватив рюкзак с лекциями, ухожу. На душе скребут кошки. Теперь мне приходится переживать не только за Евочку, но и за Ульянку. Уж слишком сильно она больна.

Отказ от помощи от соседки я воспринимаю очень болезненно, мне от чистого сердца хочется ей помочь.

Ульянка так много сделала для меня за столь короткое время, что я хочу ее хоть как-то отблагодарить. Она разрешила пользоваться ее холодильником и чайником, утюгом. Даже на первое время дала постельное бельё постелить!

Родители не помогли мне с деньгами при переезде. А Сашка... Он и так слишком много потратил уже на меня.

Брат с женой купили мне новой одежды для универа, тетради, учебники и канцелярию. Даже для жизни в общежитии кучу всего!

Родители... ни-фи-га.

Саша периодически даёт мне денег на продукты и проживание. Пусть не так много, сколько реально мне требуется, но лишь благодаря его переводам я хоть как-то концы с концами свожу.

Если Ульяна не пришла бы ко мне на помощь, то было бы совсем туго, ведь пришлось бы делать крупные покупки, а у брата, помимо меня, есть своя семья. Поэтому доброту соседки я особенно сильно ценю и хочу хоть как-то отблагодарить за помощь. Но она отказывается.

Обидно.

Спускаюсь на первый этаж и сажусь на скамеечку, благо у нас в холле предусмотрены места, где можно присесть. Облокачиваюсь назад, на холодную стену, закрываю глаза.

Блин... Что ж делать теперь? Мне нельзя возвращаться в комнату. Тогда... Где же мне ночевать?

– О, Маринка! – над самым ухом раздается знакомый голос.

Открываю глаза и вижу прямо перед собой довольную физиономию Витьки Гуськова, своего одноклассника. Мы живём в общежитии на одном этаже.

– Ты чего здесь сидишь? – удивленно поднимает брови. – Уснула что ли? Или домой не пускают? – спрашивает, смеясь.

– Ульянка заболела, – делюсь с ним своей печалью. – Говорит, что мне нельзя в комнату заходить.

– Опа, – тут же становится собранным и серьезным. – Что делать будешь? Нашла, к кому пойти? – спрашивает в лоб.

От прямого и откровенного вопроса тут же тушуюсь. Я понятия не имею, что ему отвечать.

– Еще не решила, – решаюсь сказать правду. – Наверное, поеду к брату, – высказываю предположение, ведь, по сути, других вариантов у меня попросту нет.

Правда, Саша живет довольно далеко от моего универа, и мне придется тратить много времени на дорогу. Получается, утром я попадаю в самый час пик.

– Слушай, ты голодная? – ненароком задевает болезную тему.

Потому что я так сильно проголодалась, аж желудок болит.

– Я есть хочу зверски! А одному как-то скучно, – пожимает плечами. – Мне матушка на выходных ленивые голубцы передала.

– Вить, – смотрю на него удивленными глазами. – Ты меня приглашаешь на обед? – улыбаюсь.

– Ну, – немного смущается.

Когда он смущается, то такой милый! Прямо как плюшевый мишка, которого хочется обнять.

– Так пойдешь? – спрашивает с надеждой. – У меня мамка просто шикарные голубцы делает! У тебя есть все шансы оценить, – играет бровями. Смеюсь.

– Ну пойдём, – соглашаюсь с теплой улыбкой.

Все равно до Сашки еще ехать и ехать, да и вообще, для начала было бы неплохо их с Василисой предупредить.

Поднимаюсь с Виткой к нему в комнату, бросаем на кровать вещи, и, пока он переодевается, я иду на кухню и грею еду.

– Девочка, ты кухни не перепутала? – с наездом спрашивает у меня старшекурсница. – женская дальше по коридору! – показывает рукой в сторону девчачьего крыла.

– Тот же вопрос могу задать тебе, – говорю, не поведя бровью. – Тоже перепутала? – разворачиваюсь и смотрю на намалеванную девку в упор.

На ней минимум одежды. Облегающий топик на тонких бретельках задрался и оголяет поясницу, я без труда могу рассмотреть сережку в пупке. Миниатюрные шорты больше похожи на трусы, чем на предмет повседневной одежды, настолько они коротки.

Мне даже не нужно напрягаться, чтобы понять цель визита этой девицы на мужскую кухню. По-любому парня пришла себе искать.

– Ах, ты, мелкая! – шипит зло и надвигается на меня. – Я живо научу тебя старших уважать!

– Воу-воу! Потихе! – раздается за нашими спинами. Оборачиваемся. – Детка, не кипишуй.

На пороге кухни стоит, судя, по виду пятикурсник. Он нахально проходится откровенным взглядом по моей фигуре, а затем смотрит с ухмылкой мне прямо в глаза.

– Влад, – представляется. – А ты у нас первогодка? – шурясь, присматривается ко мне.

– Она со мной, – говорит Витка, заходя на кухню. – К ней не приставать!

Гуськов подходит ко мне, слегка приобнимает, закрывая своей мощной фигурой от посторонних глаз.

– Прости, что так долго, – извиняется тихо. – Все в порядке?

– Ага, – киваю и вдруг понимаю, что с этим глупым наездом совсем забыла включить газ. Вот же блин!

– Вить, я не разогрела голубцы, – виновато говорю другу.

– Пофиг, – отмахивается, забирая сковороду с плиты. – У меня в комнате микроволновка есть, там погреем, – тянет меня за собой. – Пойдем.

Глава 9. Марина

Как же с Витькой легко и комфортно! Я словно очутилась в родительском доме много лет назад, когда отец еще не был по уши погружен в работу, когда мама была жива, и мы проводили с ней практически все свободное время вместе.

Когда Саша приезжал к нам, и мы разговаривали обо всем! Ох, как же тогда мы смеялись! Веселое было время... Беззаботное и счастливое.

А потом все стало не так, и об этом я уже не хочу думать.

– Нет, ну ты прикинь! – активно жестикулирует Витька. – Я ему пас даю! Мяч летит прям на него, а он, зараза! Не видит! – друг от переизбытка эмоций аж голос повышает.

– А дальше что? – спрашиваю. Меня увлек рассказ про недавние соревнования.

– Да что там говорить! – кидает в сердцах. Достает телефон, находит видео и включает. – Здесь смотреть нужно.

Доедая невероятно вкусный голубец, склоняюсь над экраном, внимательно слежу за траекторией полета волейбольного мяча и кусаю губы.

– О, нет! – ахаю. Резко разворачиваюсь к Витьке. – Как? – не понимаю. – Как он мог так промазать?

– Вот и я про то же тебе говорю! – кидает в сердцах. – Теперь ты понимаешь, почему я зол на него?

– Теперь, да, – признаюсь.

Пропустить решающий мяч, когда он летит прямо тебе в руки... Это досадная и очень обидная ошибка.

– Вить, он, конечно, не прав, – решаю донести свои мысли до друга. – Но это спорт. Здесь не угадать, – печально вспоминаю свое прошлое. – Даже самый сильный соперник может проиграть, ты ведь понимаешь это.

– Понимаю, – соглашается со мной. – Но злиться от этого меньше не стану.

– Ой, Витька! – качаю головой. – Нашел из-за чего с другом ругаться. Вот честное слово.

– Проехали, – отмахивается от меня. – Ладно?

– Да без проблем, – соглашаюсь с ним. – Ты только подумай над моими словами. Обещаешь? – пристально, но с улыбкой смотрю на него.

– Обещаю, – со скрипом кивает.

У нас довольно много общего в самых разных сферах жизни и поэтому мы без труда находим, о чем поговорить. Перескакиваем с темы на тему, обсуждаем университетские новости, шутим, смеемся, и я окончательно расслабляюсь.

Внешние проблемы становятся далекими и чужими. Даже ситуация со Светланой и Евочкой отходит на второй план. Как и невозможность вернуться в свою комнату в общежитии.

Мне снова легко и хорошо.

– Марин, может, вместе сделаем домашку? – спрашивает Витька, возвращаясь с кухни. Он после обеда сам мыл посуду, мне не разрешил помочь. Заявил, что у меня и без того проблем хватает.

– Давай, – без раздумья соглашаюсь, ведь вместе всегда проще и быстрее. А с Витей еще и веселей.

– Тогда иди сюда, – зовет, пододвигая стул к себе. – Устроим мозговой штурм, – смеется.

– Иду, иду, – говорю.

Подхожу к его кровати, беру рюкзак и лезу в него за учебником и тетрадью, но вместе с учебным материалом достаю еще кое-что.

Смотрю на сложенный пополам бумажный лист бежевого цвета, и сердце начинает биться чаще.

Блин! Как же я могла забыть? Не понимаю...

Это ж доверенность на все–превсе!

Я утром ведь перед парами отправилась к Светлане именно за ней!

Мать Евы не желает заниматься дочерью, но есть ряд вопросов, где необходимо ее присутствие. Девочка ж маленькая еще и не может подписывать официальные документы, ее даже в поликлинику к педиатру обязательно нужно сопровождать. Поэтому Светлана оформила специальные документы, чтобы ее «не доставали ненужными вопросами».

Доверенность на представление интересов малышки во всех органах, за исключением банка, есть у бабушки малышки и... у меня.

Свете настолько плевать на ребенка, что она оформила нотариальную доверенность даже на няню! Которую видела лишь пару раз.

Она готова на все, лишь бы не решать вопросы, связанные со своей дочкой. Я поражаюсь, как она вообще с таким подходом к малышке родила.

В голове не укладывается, как ни старайся. Понять такую недомамашу не смогу никогда!

Я искренне не понимаю подобного отношения, но мое мнение никого не интересует. А после произошедшего сегодня утром, я в принципе не знаю, что думать.

Как по мне, мать малышки не мать, а самая настоящая тварь!

Дрожащими руками раскрываю сложенную бумагу и принимаюсь вчитываться в напечатанные строчки. От волнения глаза разбегаются в разные стороны, мне становится практически нереально понять смысл написанного на листе.

Дочитываю до конца, но в голове по–прежнему каша.

Нет. Сама я ничего не пойму.

– Вить, прости, но готовиться к парам тебе придется без меня, – говорю другу, принимая решение.

Спасти жизнь Евочке и репутацию отличного врача гораздо важнее, чем подготовка домашки. Это не может ждать!

Мне срочно нужно в больницу. Я должна показать эту доверенность Кириллу!

Если мои полномочия подходят для подписания документов на операцию Евы, то я все подпишу! Лишь бы у него не появилось лишних проблем.

Кровь бешено несется по венам, устоять на месте – выше моих сил.

В спешке засовываю обратно в рюкзак все, что вытащила. Нетерпеливо застегиваю молнию, но от моих резких и дерганных движений ее заедает.

– Да погоди ты, – Витька вырывает рюкзак у меня из рук. – Сейчас собачку выломаешь.

– Что? – недоумевая, смотрю на него. Хмурюсь.

– Погоди, – произносит спокойно, уверенно высвобождает попавшую под металл ткань и застегивает молнию.

Он так медленно все делает и говорит, что меня это начинает раздражать. Мне не терпится немедленно отправиться в больницу.

Я даже на месте устоять не могу!

– Ты чего кипишуешь? – спрашивает Витька, видя, как я переминаюсь с ноги на ногу.
– Случилось чего?

– Спасибо, – растерянно благодарю друга. – Прости, но мне действительно нужно бежать.

Не дожидаясь еще кучи лишних вопросов, на которые я не могу дать Витьке ответа, забираю куртку, обуваясь и выскакиваю в коридор. Одеваться буду уже на ходу. Времени нет.

Каждая секунда на счету.

Со всех ног несусь в сторону лестницы, перескакивая через ступеньки, спускаюсь на первый этаж. Мысли в голове гонят вперед, нетерпение лишь усиливается с каждым мгновением.

Мое состояние просто атас! Я перевозбуждена настолько, что готова бегом домчаться до клиники, где лежит Ева.

Сил и выносливости хоть отбавляй.

Вот, что значит, находиться в стрессе.

– Марин! – летит в спину, когда я миную пролет второго этажа.

Слышу Витькин голос и резко останавливаюсь. Но инерция так просто не отпускает, и я лечу вперед.

Мне приходится схватиться за перила и приложить усилия, чтобы не упасть и не клонуть носом об ступени.

– Что такое? – переводя дыхание, смотрю на него.

– Ты телефон у меня забыла, – протягивает трубку. – Еле догнал! – смотрит на меня с изумлением.

Ухмыляясь, молчу. Я никому не рассказывала про свое спортивное прошлое.

– Ой, – смущаюсь от его заботы. – Спасибо, Вить, – произношу с жаром.

Забираю у друга смартфон, прижимаю к груди, еще раз благодарю друга и выскакиваю из общаги. Мне нужно бежать! Я должна успеть связаться с Кириллом!

Не успеваю пройти и ста метров, как понимаю, что дико замерзла. Как ни крути, на улице лютый мороз, а я слишком легко для этого одета.

Жаль, что я вчера не посмотрела прогноз погоды и сегодня утром не оделась нормально, теперь у меня зуб на зуб не попадает. Разница градусов в десять между вчерашним и сегодняшним днем!

Блин.

Ладно, перетерплю как-нибудь! Сейчас есть дела поважнее.

Нужно попасть в больницу и пробиться к Кириллу. Я должна показать ему доверенность как можно скорее!

Перетерпевать мороз мне не впервой, а после устроенного мачехой я долго и упорно закалялась. До автобусной остановки я как-нибудь доберусь, а там и до клиники добегу.

Лишь бы поскорее транспорт приехал. А то превращусь в ледышку...

Перебирая ногами, я максимально сокращаю расстояние до остановки. Хотя до нее идти недалеко, теплее от этого не становится нисколько.

Подхожу к проезжей части, вижу на противоположной стороне дороги автобус и у меня все замирает внутри.

Блин! Это же мой маршрутный номер!

Не думая ни о чем, смотрю по сторонам, срываюсь с места и со всех ног бегу на остановку. Но не успеваю заскочить на тротуар, как сбоку до меня доносится визг шин.

Поворачиваю голову на звук. Все остальное происходит словно в замедленной съемке.

Шикарный дорожный белоснежный автомобиль, не успевая остановиться летит прямо на меня по покрытому коркой асфальту. В горле застывает крик. Пространство сужается. Время застыло.

Собрав всю свою силу, вкладываю ее в один мощный прыжок, отталкиваюсь и в самый последний момент успеваю увернуться от потерявшей управление машины. Я практически смогла заскочить на тротуар, но в самый последний момент нога теряет устойчивость, и я теряю равновесие.

Лечу обратно...

– А-а-а! – визжу не в силах сдержаться. Паника пересиливает здравый смысл.

Готовлюсь к удару и адской боли, ведь теперь это все неизбежно.

Внутри все сжимается в тугую комок, ведь я прекрасно понимаю последствия от столкновения с несущимся на высокой скорости неуправляемым куском металла.

Вдруг неконтролируемой силой меня резко швыряет назад, и я со всей дури влетаю в широкую грудь какого-то мужчины.

– Простите, – произношу на автомате, отшатываясь от него. Голова кругом. Ничего не понимаю.

Я... цела?

– По заднице давно не получала?! – рычит Кирилл не, скрывая своего гнева.

Глава 10. Кирилл

Дико зол на Марину и не могу скрыть это. Мне хочется взять девчонку за плечи и хорошенько встряхнуть несколько раз, чтобы мозги моментально встали на место.

Как вообще можно было додуматься перебежать дорогу в неположенном месте? Да еще видя, что машина летит на всех парах?

Пешеходный переход был через двадцать метров! Неужели нельзя было сделать несколько лишних шагов?

Хмельницкой неимоверно повезло, что я оказался в нужное время в нужном месте, иначе бы...

Блин! Лучше не думать об этом вообще.

Весь день сегодня через одно место. То встреча с бывшей, то скандал, то сложная операция у своей потенциальной дочери. То невозможность связаться с Мариной и узнать, доехала ли она до универа.

Я ведь звонил девчонке несколько раз. У нее телефон все это время был недоступен.

Пришлось дергать Санька.

Но мой друг не знал ни о причинах появления его сестры в частном медицинском центре, ни о проблемах у той с телефоном. А поскольку Хмельницкий сейчас на дежурстве и не может приехать, пришлось срываться сюда мне.

Приехал, блин.

Остановился напротив ее универа.

Решил, зачем крутиться на другой стороне дороги в поисках развязки и поворота направо, проще и быстрее будет оставить тачку где-нибудь здесь.

Припарковался, вышел из машины, направился хорошо известной дорогой в сторону студенческой общаги и ни о чем не переживал.

А как увидел несущуюся Маринку, так сердце в пятки упало. На дороге лед, она в осенней одежде...

Настоящее чудо, что мне удалось ее поймать!

– Простите, – выдыхает, врезавшись мне в грудь. Держу ее крепко, не позволяя упасть на дорогу.

Испуганная такая... Ранимая.... Нежная... Так хочется защитить ее, согреть, закутать в мягкое пушистое одеяло и никогда не отпускать.

Игнатов, блин! Выбрось Хмельницкую из головы. Немедленно.

Чтобы немного уgomонить свои мысли, делаю глубокий глоток свежего воздуха, в нос попадает ненавязчивый цветочный аромат и пробуждает во мне давно позабытые чувства.

Странные и непривычные ощущения возникают в груди. Я знаю их корни и еще сильнее завожусь из-за этого.

– По заднице давно не получала?! – срываюсь на девушку, не в силах себя сдерживать.

Как бы я не бил себя кулаком в грудь и не отрицал, но факт есть факт. Я дико испугался за Марину.

– Кирилл? – округляя глаза от шока, смотрит на меня. – Что ты здесь делаешь? – спрашивает растерянно.

Смотрю на взволнованную девушку и постепенно прихожу в себя. Она здесь. Она рядом. Наконец-то я нашел ее!

– По всей видимости, спасаю тебя, – отвечаю уже гораздо спокойнее.

Марина тушует. Ей не по себе. И я не имею ни малейшего понятия, как помочь девчонке расслабиться.

– Отойдите! – громко фыркает раздраженная женщина, пихая меня в спину.

– Встанут на дороге и пройти не дадут! Бескультурщина! – гневно кидает другая.

– Ой, – пищит Марина. Мгновение, и она снова оказывается у меня в объятиях.

Держу девушку, не позволяя выходящим из автобуса и садящимся в него людей нас разлучить. Со всех сторон слышу обращенное к нам недовольство.

– Пойдем отсюда, – хватаю Хмельницкую и тащу за собой.

– Куда? – удивляется.

– Ко мне в машину, – говорю, ухмыляясь.

Я уже давно езжу исключительно на авто. Это мой лучший друг и товарищ, она для меня просто незаменима.

Сколько раз наличие автомобиля позволяло в считанные минуты добраться до клиники и провести экстренную операцию, а сколько я провел консультаций... Не сосчитать!

Веду Марину в ближайший к ее университету двор, где нашел парковочное место. И, как только машина появляется в поле видимости нажимаю, на кнопку брелка, заводя двигатель.

– Залезай, – подходя к авто, открываю переднюю пассажирскую дверь. Марина тут же забирается на сиденье.

Обхожу тачку, сажусь на водительское место и первым делом включаю подогрев сидений. Печка начала работу вместе с двигателем.

– Как же тут тепло, – растирает руками себя.

Смотрю на нее и лишь качаю головой. О чем она думала, когда в таком виде выскакивала из общаги?

Подаюсь чуть в сторону, нахально вторгаясь в личное пространство девушки.

Она замирает. Забывает дышать. Я же, напротив, не могу ей надышаться.

Маринка девчонка ж совсем, Игнатов! Угомонись!

Она сестра твоего друга. Усмири своих демонов.

Если Саня только узнает, какие мысли рождаются в твоей голове при взгляде на его сестру, он тебя тут же кастрирует.

Игнатов! Совесть имей.

Маринка слишком юна. Она тебе в дочери годится! Ну... с натяжкой, но все же... У нас разница в возрасте порядка шестнадцати лет.

Но на все доводы разума сердцу плевать. Оно начинает биться быстрее и чаще, стоит только мне подумать о Марине.

М-да... Что-то меня прям кроет не по-детски...

Фигово.

– Держи, – пересиливая острое желание коснуться девушки, протягиваю ей флисовый плед, который на всякий случай всегда лежит у меня в машине.

– Ой, – смущается. – Спасибо!

Пока Марина пытается отогреться, включаю печку на максимум и выруливаю на шоссе. Стоять во дворе дома с работающим двигателем не желаю.

– Куда бежала? – спрашиваю, пытаюсь завести нормальный разговор. Мне срочно нужно обуздать свои горячие мысли. – Давай подвезу, – предлагаю, прекрасно понимая, что не собираюсь никуда отпускать ее в таком виде и таком состоянии.

Не хватало, чтобы Хмельницкая по своей дурости загремела в стационар с пневмонией. А ведь после нахождения на холоде в таком виде немудрено заболеть.

Капец... Чем она думала? Где ее мозг?

Всегда ж была нормальной, вдумчивой девушкой.

– Не нужно подвозить, – произносит негромко.

– Почему? – ухмыляюсь и кидаю на нее беглый взгляд. Хочу пошутить, но вовремя себя останавливаю.

Девушка выглядит очень смущенной.

– Я собиралась поехать к тебе в клинику, чтобы доверенность показать, – неуверенно продолжает. Слушаю ее не перебивая. – Понимаешь, – говорит и тяжело вздыхает.

Вижу, как Марине тяжело даются предстоящие откровения и боюсь спугнуть не то, что словом, даже неуместным движением.

Поэтому я внимательно слежу за дорогой и продолжаю молчать. Раз она хочет что-то мне рассказать, мешать ей не стану.

– У меня некоторые трудности с..., – кусает губы и снова вздыхает.

– С чем? – не выдерживаю. Ее пауза слишком сильно затянулась.

– Я поругалась с родителями и теперь мне приходится подрабатывать, чтобы себя содержать, – выпаливает на одном дыхании.

Что?! Яркое пламя праведного гнева моментально поднимается в груди. С трудом сдерживаюсь, чтобы не нажать на тормоз и не остановиться посреди дороги.

– Повтори, – требовательно прошу. Крепко сжимаю зубы.

– Мой отец вечно занят, а мачеха буквально ненавидит меня, – Марина продолжает открываться передо мной. – Мы с ней поругались из-за того, что я отказалась оставаться после школы у них и захотела поступить в университет.

– Она была против? – спрашиваю, предвидя ответ.

Внутри разрастается ярость.

– Ей нужен был тот, кто будет бесплатно сидеть с ее детьми, пока она сама ходит по косметологам, соляриям и бутикам, – говорит с неприязнью. – Понимаешь, она просто такой человек...

– Тварь она, а не человек, – перебиваю Марину.

– Возможно, – произносит, чуть улыбаясь. – Но это не отменяет того, что официально она моя мать.

– Которая денег тебе давать не желает, – подвожу итог.

– Угу, – расстроено кивает девчонка. – Поэтому я в свободное от учебы время подрабатываю няней, – признается в конечном итоге.

– Так ты няня Евы? – в моей голове окончательно складывается пазл.

Так вот о ком бабушка малышки все время говорила!

– Да, – кивает.

Глава 11. Кирилл

– Следить за малышами не тяжело. Эта работа мне приносит достаточно денег, чтобы я смогла купить себе самое необходимое, – продолжает изливать душу. – Но я понимаю, что будущего у меня нет. Если хочу развиваться, то нужно будет двигаться дальше.

– Разумно мыслишь, – соглашаюсь. – погоди, – вдруг вспоминаю, что Марина не просто милая девушка.

На самом деле, она – кремень! Ей восхищались неоднократно.

Хмельницкая – чемпионка, и этого звания у нее не отнять. Она ж профессиональная спортсменка.

– Почему ты не пошла по специальности? – ни с того, ни с сего спрашиваю у нее.

– По какой? – удивленно поворачивается в мою сторону.

– По спортивной, – говорю, хмурясь. – Ты же могла и дальше строить карьеру в каратэ.

– Не могла, – признается, стискивая зубы.

– В смысле? – не понимаю.

Санька рассказывал, что у него невероятно талантливая сестра. Ей пророчат большое будущее.

– Прости, но подробности своего решения озвучивать не буду, – говорит, и я прям вижу, как она закрывается от меня.

Прячется в своей раковине и больше туда не впускает.

– Марин, – зову девушку. – Прости, если задел больную для тебя тему. Я не знал.

Молчит.

Я тоже говорить не спешу. Продолжаю следить за дорогой и вести машину.

– Я очень хочу попытаться устроиться в клуб единоборств рядом с университетом, – говорит еле слышно. – Но туда меня пока не берут без рекомендаций, – произносит печально.

– Так у тебя же черный пояс, – хмурюсь. – Кмс, – вспоминаю ее спортивные достижения. – Это не аргумент?

– Как видишь, – печально пожимает плечами. Для них ничего не аргумент.

– Я как-то могу помочь? – спрашиваю в открытую.

А сам прекрасно понимаю, что даже если она откажется от помощи, то все равно найду вариант, как ей заниматься любимым делом.

– Думаю, что нет, – говорит с осторожностью. – На самом деле, я позвонила своему тренеру и попросила его мне помочь, – признается чуть позже. – Он обещал связаться с руководством клуба.

– И как? – спрашиваю, заранее предполагая каким будет ответ.

– Не связался, – печально опускает голову.

Отчаяние и грусть Марины так сильны, что сердце разрывается из-за нее на части.

– Я тебе помогу, – обещаю, принимая решение.

Она поднимает на меня удивленный взгляд.

– Как? – шепчет.

– Уж поверь, я смогу, – подмигиваю немного приободряя. – Так зачем ты меня искала? – спрашиваю, вдруг вспомнив, что так этого и не узнал.

– Точно! – Марина вскрикивает и едва не подпрыгивает на месте.

Она тут же открывает свой рюкзак, лезет в него и достает оттуда сложенный лист, один цвет которого меня изумляет.

Это явно не простой документ.

– У меня доверенность есть! – говорит, на эмоциях размахивая бумагой бежевого цвета. – Смотри! – чуть ли не сует мне под нос.

Эмоции девушку переполняют.

– Подожди, – прошу ее. – Сейчас остановимся и я посмотрю, – обещаю.

Пока ищу место для парковки, краем глаза слежу за Мариной. Она места себе не находит от переизбытка чувств.

Умиляюсь.

– Расскажи лучше, что произошло в квартире перед тем, как Ева пострадала? – задаю животрепещущий вопрос. – Ты видела, как все случилось?

Мне крайне важно услышать ее слова. Я просто обязан разобраться с тем, как все случилось!

Если окажется, что Светка права, и Ева – моя дочь, то я свою бывшую в порошок сотру, будь она причастна к несчастному случаю с малышкой.

В том, что в детский крошечный организм попала едкая дрянь – это факт. Счастье, что эта дрянь ее не убила!

Судя по увиденному мной, Ева не успела сделать глоток, иначе был бы не только ожог пищевода, но и желудка. Да и спасти нам ее тогда вряд ли бы удалось...

Мы хорошие врачи, но не всемогущие. К сожалению.

Все, кто видел ожог, солидарны со мной. Малышка отравилась бытовой химией.

– Нет, – обреченно произносит, выдавая тем самым обиду и боль. – Я в этот момент была у нотариуса, – поясняет.

– Доверенность забирала? – уточняю.

– Угу, – кивает. – А потом пошла делать дубликат ключа от квартиры, ведь Светлана часто уезжает, и мы с Татьяной Ивановной по очереди сидим с малышкой.

– Даже так? – произношу, хмурясь, и погружаюсь в невеселые размышления.

Значит, у Марины есть доступ в квартиру и, возможно, документы на представление интересов девочки. Вот это, блин, поворот.

Я подобного не ожидал. Честно!

Чуть поодаль вижу разрешающий остановку знак. Беру правее.

– Слушай, а где была мать Евы? – продолжаю заваливать Марину вопросами. Уж больно мне хочется докопаться до истины.

– Светлана поехала домой. У нее там какие-то дела были, – поясняет. – Курьер, что ли, приехал, – добавляет чуть неуверенно.

Хм...

Интересно.

– Когда я вернулась к ним, то «Скорая» уже забирала малышку, – у Марины в голосе слезы. Мне становится искренне ее жаль.

Но, к сожалению, я ничего уже не могу исправить.

– Ты не виновата в том, что произошло, – все-таки говорю.

– Только вот от этого легче не становится, – снова вздыхает.

– Понимаю, – соглашаюсь с девушкой.

Пока стоим на светофоре, ловлю ее ладонь и несильно сжимаю.

– Все будет хорошо с малышкой, – произношу. – Мы вытащим ее из беды. Вместе!

– Спасибо, – шепчет и стирает бегущую по щеке слезу.

Теперь я точно знаю, у Евы все будет в порядке!

И тут в голову приходит идея... Настроение аж поднимается, когда я начинаю обдумывать ее.

Чем больше думаю, тем сильнее она мне нравится.

– А в квартире никого не было кроме вас троих? – спрашиваю, разрабатывая в голове коварный план.

– Конечно, были! – говорит, ухмыляясь.

– Кто? – спрашиваю с нажимом.

Мне не терпится услышать ответ.

Мысли летят одна за другой, идеи не отступают. Кажется, я нашел еще одну лазейку, благодаря которой максимально быстро разберусь со Светой, найду точки давления на нее. И заберу малышку, раз она матери не нужна.

– Кроме меня и Светланы в квартире была ее мама, Татьяна Ивановна, – произносит Марина, не представляя, как я ждал услышать именно эти слова. – Это ж она вызвала медиков внучке. Если бы не бабушка, Ева бы уже умерла, – добавляет чуть слышно.

Но я все равно умудряюсь расслышать ее слова.

Перед глазами яркими красками рисуется картина произошедшего, и волосы на руках становятся дыбом. Ярость бушует в груди.

Содержание доверенности отходит на второй план. Я принимаю решение.

Света, тебе конец!

– Адрес! – требую агрессивно.

– Что? – хмурится, смотря на меня. Не понимает.

– Адрес квартиры, где все случилось давай!

Глава 12. Марина

– Ты же хотел доверенность посмотреть! – тараторю, пытаюсь остановить Кирилла. Я не понимаю причину резкой смены его настроения, и это начинает меня напрягать.

Сейчас самое главное для него и для Евочки – понять, подходят ли полномочия по доверенности, и могу ли я подписать документы на операцию.

Это важно!

Зачем ему адрес, где проживает малышка? Зачем срываться и нестись на квартиру, где случилось несчастье, на всех парах?

Гораздо нужнее и важнее оказаться сейчас рядом с Евой! Мы пренебреженно должны ей помочь!

– Кирилл! – громко произношу, пытаюсь привлечь его внимание, но все тщетно.

Игнатов, крепко сжав челюсть, смотрит перед собой и на мои слова у него нет ни малейшей реакции.

Бесит.

– Да блин! – психую, хлопаю по колену.

Я не знаю, как выразить свое возмущение. Оно буквально переполняет меня!

– Кирилл! Ну почему ты не говоришь ничего? – бросаю мужчине.

Но даже после этого он продолжает упрямо игнорировать меня.

– Неужели сейчас может быть хоть что-то важнее? – искренне недоумеваю.

В груди бушует буря эмоций. Справиться с ними очень тяжело.

– Есть, – говорит строгим тоном и тянется рукой к магнитоле.

Меня распирает от непонимания, я буквально киплю возмущением, а он...

Он принимается звонить кому-то вместо того, чтобы успокоить меня!

На языке вертится столько гадких слов и едких фраз, что мне аж до трясучки хочется все ему высказать. Донести все эмоции! Чтобы знал.

Но вместо откровенного скандала и своей истерики, я кусаю тыльную сторону щеки с такой силой, что во рту появляется металлический привкус. Боль отрезвляет.

Теперь я могу рассуждать чуть более здраво.

М-да... Все-таки злость – плохой советчик. Хорошо, что я ей не поддаюсь.

Буквально силой заставляю себя замолчать и перемалываю в труху бьющие ключом чувства.

Понимаю, что не смогу переубедить мужчину. Он гораздо умнее и взрослее, чем я.

Замолкаю.

Моя досада распространяется и на Кирилла, и на Ульяну, и даже на Витьку.

Как так можно? Вместо того, чтобы спешить к нуждающейся в срочной помощи маленькой девочке и вытаскивать из передрыги ее, Кирилл бросает все и везет меня в чужую квартиру.

Пыхчу.

Скрещиваю руки на груди и отворачиваюсь к окну. Разговаривать с ним я больше не желаю.

– Саня, привет! – тишину салона вдруг разрезает довольный голос Кирилла.

Он говорит таким тоном, словно только что не произошло ничего существенного, и у него все зашибись.

Треснуть хочется его за это!

– О, Кир! – из динамиков раздается бодрый голос брата.

Моментально подсказываю на месте и вопросительно-удивленно смотрю на сидящего за рулем мужчину. Он, как ни в чем ни бывало, продолжает управлять автомобилем и не обращает на меня внимания.

Словно меня рядом нет.

– Маринку нашел? – первым делом интересуется Саша.

Как же я его узнаю... Он вечно вступается за меня и является единственным человеком, кто защищает. В этой непредсказуемой на повороты и ухабы жизни, мой старший брат со своей заботой по отношению ко мне остаётся константой.

– Марин, – говорит Игнатов, надавливая на меня взглядом. Щурю глаза, выражая тем самым несогласие.

Я не хочу, чтобы Саша знал о моем общении с Кириллом за пределами больницы. Он против него и уже неоднократно об этом высказывался.

– Здесь я, – недовольно бурчу. – Все в порядке, – зачем-то ему говорю.

– Почему у тебя телефон недоступен? – строго спрашивает старший брат, чем меня ошарашивает.

Недоступен... Как так? Я ведь столько раз пыталась при помощи его хоть с кем-то из них связаться.

– Не знаю, – честно отвечаю и пожимаю плечами. – Я ни до кого из вас тоже не смогла дозвониться, – признаюсь, печально поджав губы.

– Перезагружала? – вдруг произносит Кирилл.

– Кого? – удивленно спрашиваю.

– Его, – снова давит своим взглядом.

– Нет, – растерянно отвечаю. И тут вспоминаю, что ведь такое уже было не раз.

Телефон завис и поэтому перестал работать.

Вот же я простофиля!

Снова останавливаемся. Опять горит запрещающий сигнал светофора.

– Вперед, – произносит с нажимом, кивая в сторону моих рук.

Вздыхаю. Придется подчиниться.

Под пристальным взглядом мужчины достаю из рюкзака свой смартфон и нажимаю на кнопку для перезагрузки. Экран загорается, из динамика издается характерный звук и телефон выключается. Снова жму на кнопку.

Теперь уже пытаюсь включить.

– Давай, – с мольбой в голосе прошу своего старого друга.

У меня довольно старенький по современным меркам смартфон. У него плохая камера, батарея уже не держит так хорошо. А еще мой аппарат довольно часто зависает.

Я бы хотела новый купить, но, к сожалению, сейчас мое финансовое положение этого не позволяет.

На светофоре загорается зеленый свет, и Кирилл тут же переводит внимание на дорогу.

– Сань, помнишь, ты мне про толкового следователя рассказывал? – Кирилл задает неожиданный вопрос.

Не в силах скрыть своего изумления, поднимаю голову и смотрю прямо на мужчину.

– Помню, – хмурясь, говорит брат. – Тебе для чего?

– Сегодня в клинику к Ланскому привезли годовалую девочку с химическим ожогом пищевода. Мать не в адеквате, отца нет, – кратко описывает ситуацию, в которой оказалась Ева. – У меня есть возможность попасть в квартиру, но мне рядом нужен толковый спец.

– Нахрена тебе это? – голос моего брата становится суровым и грозным.

– Надо, – отвечает упрямо.

В его словах столько твердости и решимости, что вдруг я осознаю одну вещь. Кир ни при каких обстоятельствах схватку со Светой не проиграет.

– А Марина тебе на кой фиг там? М? – Сашка не унимается.

– Тоже нужна, – говорит, ухмыляясь.

– Верни ее назад! – грозно требует брат. – Моей сестре нужно учиться.

– Твоя сестра является важным свидетелем по делу, – твердо заключает Кирилл.

– В смысле? – холодно произносит Саша, не понимая происходящего.

При звуке его голоса холодок пробегает по спине.

Прячу лицо в ладонях.

Мне конец.

– Марина! – рявкает. – Куда ты опять ввязалась?

Бросаю на Игнатова взгляд, полный мольбы. Если он не вступится за меня, то все пропало.

– Сань, не переживай ты так, – заверяет его Кирилл. – Я с ней рядом. Все будет в порядке, – твердо отрезает.

От его слов на душе сразу становится гораздо спокойнее и легче, ведь я впервые за долгое время осознаю, что не одна.

Его уверенность и обещания пробивают последнюю брошь в моей обороне. Я вновь чувствую к мужчине то, чего не должна.

Знаю, Кирилл меня не бросит и обязательно поддержит. Раз обещал Саше, то теперь уж точно не отступится от своих слов.

– Саш, мы быстро, – говорю. – Обещаю.

– Смотри там у меня, – недовольно бурчит. – Кир, – произносит с нажимом. – Помни про наш разговор.

– Не беспокойся. Ни на секунду о нем не забываю, – сурово отрезает Игнатов. – Контакт своего следака дай. Срочно! – мужчина быстро сворачивает разговор.

Кирилл завершает вызов и автомобильный салон вновь наполняется музыкой. Только вот ни ему, ни мне она не нужна.

– Скажи, – прошу. – Что ты задумал?

– Тебе не о чем волноваться, – вновь уходит от прямого ответа. – В мои планы ты не вписываешься, так что с тобой все будет в порядке.

– Тогда что именно тебе нужно от меня?

Глава 13. Марина

– Ты назовешь точный адрес Евы, отдашь мне ключи от квартиры и будешь ждать меня здесь, пока я все не улажу, – заявляет безапелляционно.

От его слов в груди вспыхивает возмущение. Как так?

Пока Кирилл будет ходить по квартире Светланы и что-то там делать, я должна, словно собака, сидеть и ждать? Ну уж нет!

– Нет! – заявляю непоколебимо. – Либо вместе, либо никак, – ставлю свое условие.

Кирилл бросает в мою сторону удивленный взгляд и слегка качает головой. Атмосфера в машине накаляется с каждой секундой.

Не говоря больше ни единого слова, мужчина паркует машину напротив входа в подъезд, где живет Ева, глушит двигатель и разворачивается ко мне.

В его глазах бушует самая настоящая буря.

– Решила показать зубки? – спрашивает низким суровым голосом, от которого внутри все замирает.

– Как видишь, – отвечаю, упрямо приподняв подбородок. – Еще немного и смогу их об тебя заточить, – говорю, полыхая.

– У меня клыки есть, на что мне твои острые зубки, – говорит, наклоняясь ко мне.

Замираю. Жду его приближения. Кружится голова. Когда Кирилл рядом я становлюсь совершенно другая.

Мне становится сложно контролировать свои мысли, действия и слова, в голове рождаются совсем удивительные для меня мысли, а тело требует особого внимания. Я не понимаю, что происходит со мной. Почему я безумно жажду его прикосновений, горячего взгляда, его огня...

Это все сводит с ума! Я саму себя не узнаю и не понимаю.

– И что ты сделаешь мне своими клыками? – спрашиваю, немного подаваясь вперед, приближаясь к мужчине.

Разумом понимаю, что провоцирую его. Но, как ни стараюсь, не могу остановиться. Когда Кирилл так смотрит, то у меня срывает тормоза, и мы мчим дальше. Нас уже не остановить, стоп-кран не срабатывает.

Я старалась.

– Детка, тебе об этом лучше не знать, – ухмыляется с легким прищуром и вдруг опускает глаза на мои приоткрытые губы. Тяжело сглатывает.

– А что, если мне интересно? – тихо произношу, вижу его реакцию и резко себя затыкаю.

Поздно.

Мужчина делает глубокий вдох, его глаза становятся чернее ночи. Он начал охоту. Мне не убежать.

Ой... Вот зачем я это сказала?

От пылающего в мужском взгляде огня кровь в моих венах моментально закипает.

Мне вдруг становится так горячо, что я ахаю, чуть сильнее приоткрываю рот и принимаюсь чаще дышать. Кислорода не хватает.

Хочется расстегнуть куртку, снять водолазку, выйти на улицу и вдохнуть свежий воздух.

Мне жарко. Я плавлюсь.

Что это со мной?

Когда Кирилл рядом со мной, мое тело реагирует лишь на него. Оно становится не подвластно мне самой, и это пугает.

– Кир, – шепчу. Плавлюсь внутри.

Я чувствую себя растаявшей плиткой горького шоколада.

– Да, – произносит с легкой хрипотцой в голосе. – Ты о чем-то хочешь спросить? – прожигает своими глазами.

– Как часто ты свои клыки применяешь? – выпаливаю на одном дыхании. Меня трясет. Но это моё состояние... Оно не от страха.

Я уверена в Кире и его не боюсь. Этот мужчина не причинит мне вреда или зла, он не сделает больно.

Ему я доверяю как сама себе и по непонятной причине именно ему я противостоять не могу. Я как покорная девочка хочу делать всё, что он мне говорит.

Его внимание, его близость, его забота... Они подкупают. Рядом с Кириллом я становлюсь сама не своя.

И поэтому злюсь на себя с удвоенной силой.

– Детка, – предупреждающе рычит. – Не провоцируй, – от его голоса у меня вибрирует все внутри. Я не чувствую ног и рук. Они ватные. – Схватку со мной ты проиграешь, – предупреждает, не сводя с меня пламенного взгляда.

Он в очередной раз подминает меня под себя, а я ловлю себя на мысли, что наслаждаюсь этим процессом.

– А что, если я хочу проиграть? – спрашиваю, вдруг понимая, что наш разговор переходит в совершенно другую плоскость.

Безотрывно смотрим друг другу в глаза, наши взгляды пылают. Хватит малейшей искры, чтобы мы взорвались. И тогда...

Ох, об этом лучше не стоит думать.

– Марин, нам нельзя, – резко отрезает.

Его слова словно нож врезаются в сердце и причиняют невероятную боль. Мне приходится сделать резкий вдох и затаять дыхание, чтобы хоть немного справиться с ураганом в груди.

Слезы обиды наворачиваются на глаза, и я никак не могу справиться с ними.

– Я иду в квартиру. Ты сидишь здесь, – произносит сурово. От его голоса внутри все замерзает.

– Проникновение в чужую квартиру незаконно, – отвечаю, тщетно пытаюсь не выказать свою боль.

Но я знаю, что Кирилл все равно видит ее, и от этого становится вдвойне обидно. Скрепчиваю руки на груди, отворачиваюсь к окну и вместо продолжения разговора тупо смотрю на заснеженную улицу.

На витринах магазинов с каждым днем становится больше ярких огней, гирлянды всеми красками радуги мигают на окнах, привлекая внимание. Красивые новогодние инсталляции все чаще радуют глаз, наш город постепенно превращается в сказку.

Только вот моя жизнь вряд ли похожа на нее.

– Марина, я – взрослый мужчина и прекрасно осознаю последствия своих поступков, – окончательно добивает меня.

От боли в груди говорить уже не могу.

Открываю рюкзак, достаю ключи и крепко сжимаю их в ладони.

– Пятый этаж, квартира восемьдесят, – протягиваю Кириллу связку. – Держи.

– Спасибо, – благодарит сухо. – Чтобы из машины не выходила, – дает строгий наказ.

Рядом с нами останавливается большой черный внедорожник, и из него выходит мужчина в погонах. Мне становится еще сильнее не по себе.

– Ты меня поняла? – поворачиваясь ко мне, с нажимом спрашивает Кирилл.

– Да, – киваю. – можешь не беспокоиться, все будет сделано в лучшем виде, мой господин!

Кир бросает на меня красноречивый взгляд, ухмыляется, но наш разговор не продолжает. Молча выходит из машины, подходит к мужчине в погонах, и они заходят в подъезд.

А спустя несколько минут следом за Кириллом к дому подходит тот, кого я никак не могла ожидать. Смотрю на мужчину, дыхание спирает. Я не могу отвести от него взгляд.

Он поворачивается. Внутри леденеет.

Мечтая слиться с обивкой сиденья, сползая вниз, прячусь. Лишь бы он не заметил меня.

Глава 14. Кирилл

Поднимаемся на нужный этаж, открываю замок, заходим в квартиру.

– Ничего не трогай, – предупреждает Антон, переступая порог.

– Не буду, – обещаю. – Знаю последствия, мог не предупреждать.

– Кто ж вас, хирургов, знает, – ухмыляется, думая о чем-то своем. – Что именно тебя напрягает? Почему решил приехать сюда?

– Мне не нравится ожог девочки, – озвучиваю свои сомнения.

– Чем именно? – интересуется капитан. – Он какой-то особенный?

– Химический, – поясняю. – Но я не могу понять, каким именно веществом она отравилась, и что там было в составе. Сам понимаешь, у разных химических соединений будет разное воздействие на организм.

— Но ты ж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.